

СЕМЕЙНОЕ
ЧТЕНИЕ

Светлая Пасха

КНИГА —
ПРАЗДНИК

Михаил Вострышев

Светлая Пасха. Семейное чтение

«Алисторус»

2016

УДК 264-941
ББК 86.37

Вострышев М. И.

Светлая Пасха. Семейное чтение / М. И. Вострышев —
«Алисторус», 2016

В миг Светлого Христова Воскресения мир рождается заново, искупленный и освященный нашим Спасителем. Все было бы тщетным без этого события, и сама вера была бы бессмысленной. Но Христос воскрес, и с этого момента каждое мгновение нашей жизни обретает новое значение, наполняя сердца безмерной радостью. Пасха – самый древний христианский праздник, имеющий богатейшую историю. Проследить ее и еще раз подивиться чудесным евангельским событиям поможет эта книга. Узнаете вы из нее и о символике и смысле пасхальных обрядов, о старинных и современных обычаях празднования Пасхи.

УДК 264-941

ББК 86.37

© Вострышев М. И., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Приготовление к Великому посту	6
Неделя о мытаре и фарисее	7
Семейное чтение[6]	9
Во дни оны	9
1	9
2	11
3	13
Неделя о блудном сыне	15
Семейное чтение	17
Пасхальная заря	17
Вселенская родительская (мясопустная) суббота	22
Молитва за усопшего	22
Семейное чтение	23
На Голгофе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Вострышев

Светлая Пасха: семейное чтение

© М. Вострышев, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Приготовление к Великому посту

Приготовление к Великому посту начинается вскоре после праздника Богоявления Господня в память о том, что Сам Иисус Христос вскоре после Своего крещения удалился в пустыню для сорокадневного поста, в подражание которому и установлена святая Четыредесятница – сорок дней поста, за исключением Страстной недели.

Великий пост – это спасительное время всеобщего духовного очищения и освящения. Они возможны только при условии совершенного оставления греха, изменения образа жизни, духовного обновления и возрождения. Все это требует подвига продолжительного, тяжелого и упорного, к которому надо готовить и располагать себя постепенно. Кроме того, хотя решимость на такой подвиг и постоянство в нем и зависит от человека, но еще более от милосердия Божия возбуждается в сердце и совершается по Его благодати. Поэтому много и с усердием должно молиться, чтобы Господь отверз нам двери покаяния; сокрушил окаменение сердца нашего и возбудил скорбь о грехах, без которой не может быть истинного покаяния; воспламенил сердце наше любовью к Себе, без которой и самое искреннее раскаяние будет не прочно; оживотворил и воскресил дух наш упованием святым, без которого сердце кающегося было бы подавлено скорбью.

Церковь заранее готовит нас к вступлению во святые и спасительные дни поста и покаяния, стараясь удалить все, что препятствует принести нам истинное покаяние, стараясь научить, как стяжать себе дух умиления и сокрушения сердечного.

Приготавливая верующих к Великому посту, Церковь в своих богослужениях выступает как вождь, благовременным и мудрым словом ободряющий своих воинов перед сражением с врагом. Поэтому в пригласительных службах говорится обо всем том, что может расположить верующих к посту и покаянию. В своих священных воспоминаниях Церковь восходит к первым дням сотворения мира и человека, к блаженному состоянию прародителей и их падению, чтобы показать начало греха и побудить в человеке сокрушение о грехах, а также ко времени пришествия на землю Сына Божия для спасения человека, чтобы обратить нас к Богу.

В продолжение пригласительного времени Церковь приучает верующих к подвигу поста постепенным водворением воздержания. Вначале по уставу полагается сплошная седмица, когда позволено вкушать всякую пищу во все дни; На следующей седмице восстанавливается пост в среду и пятницу; затем и вовсе запрещается вкушать мясную пищу и дозволяется употреблять сырную.

Особые приготовления к Великому посту – древнее установление Церкви. Уже в IV веке святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский и другие составили свои беседы о днях, предшествующих посту.

Неделя о мытаре и фарисее Седмица сплошная

Первый подготовительный к Великому посту день (воскресенье за три недели до начала поста) посвящен евангельской притче о мытаре и фарисее, которая читается на Литургии. «Рече Господь притчу сию: человека два видоста в церковь помолитися: един фарисей, а другий мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся двакраты в субботу, десятину даю всего елико притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо: но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется»¹.

Этим воскресным днем за десять недель до Пасхи начинается Постная Триодь².

Фарисеи составляли между иудеями древнюю и знаменитую секту. Они хвалились знанием и исполнением устного закона, который, по их словам, был дан Моисею вместе с письменным. Фарисеи отличались тщательным исполнением внешних обрядов и особенно крайним лицемерием: «Вся же дела своя творили, да видими будут человеки»³. Поэтому они были многими почитаемы как добродетельные и праведники и по своей внешней святости жизни считались отличными от прочих людей, что и означает фарисей. Мытари же, сборщики податей, совершали много видимых всем притеснений и неправд, а потому их порицали как грешников и неправедных.

Как перед началом брани обыкновенно вооружают и приготавливают воинов, возбуждая в них усердие и мужество, так и Русская Православная Церковь, приближаясь к Великому посту, приготавливает своих духовных воинов к наступающей духовной брани во дни святой Четырнадцатидесятицы. Первым условием для добродетели считается покаяние и смирение, а главным источником греха и препятствием к добродетели – гордость. Церковь предлагает для нашего назидания притчу о мытаре и фарисее, которые оба молились Богу, но мытарь, смиренный сборщик податей, «сниде оправдан в дом свой паче» фарисея – гордого законника. Примером фарисея и мытаря Церковь внушает готовящимся к подвигам покаяния, т. е. сугубого поста, внешнего и внутреннего воздержания, усиленной молитвы, преобразования своей жизни, что исполнением закона и своею праведностью надмеваться и хвалиться не должно, надо при исполнении закона являть смирение перед Богом и ближними. Молитва, пост и другие добродетели святы и спасительны, но превозносящийся ими омрачает их и не приобретает оправдания ими, потому что он любит себя собою, пристрастно и несправедливо похищает себе похвалу, которую воздавать нашим трудам есть долг не служащих и трудящихся, но дело Бога. «Не хваляй бо себе сей искусен, но его же Бог восхваляет»⁴.

Кроме пристрастия и несправедливости в превозношении заключается неведение и заблуждение. Кто любит себя и хвалится своими делами, тот не ведает или забывает, что мы своими силами без помощи Божией не в силах исполнить всего закона и, следовательно, сделаться правыми перед Богом, и само исполнение закона есть не заслуга, а только долг наш. Так гордость слагается из пристрастия к себе, неведения и заблуждения.

Еще более страшным следствием фарисейства становится ненависть и осуждение тех, которые, в отличие от фарисеев, не угождают человекам. Потому они особенно яростно пресле-

¹ Лк. 18, 10–14.

² Триодь — Трипеснец (*греч.*)

³ Мф. 23, 5.

⁴ 2 Кор. 10, 18.

дуют истинных служителей правды, истинных детей Божиих. Чудовищное лицемерие составляет характер фарисея.

Но благословенным и благонадежным орудием против гордости фарисейской служит мытарево смирение, или смиренномудрие, ничего высокого не приписывающее своим силам и подвигам. Такое смирение есть основание христианского благочестия и оправдания нашего перед Богом, потому что первый грех произошел от горделивого желания быть «яко бози ведяще доброе и лукавое»⁵.

Желая возвыситься, человек пал. Чтобы восстать, необходимо смириться и взяться за помощь, Богом указуемую. Если безгрешный и совершеннейший первенец человечества пал из-за превозношения себя, сколь же опасно и несвойственно возноситься падшему! Для истинных подвигов христианского благочестия надо с внешними добрыми делами фарисея соединить внутреннее смирение мытаря – дела первого со смиренномудрием второго.

Если человек будет молиться, по примеру мытаря, с сокрушенным сердцем и духом смиренным, то удостоится великой милости: Господь отверзет и ему двери покаяния, введет его во святые и спасительные дни святой Четыредесятницы, поможет ему благодатью Своею принести истинное покаяние и получить полное прощение и помилование.

Чтением Апостола в этот воскресный день, который в богослужебной литературе называют Неделей о мытаре и фарисее, Церковь поучает нас терпению, какое особенно прилично подвижникам. Сообразно цели нашего приготовления к смиренным подвигам поста и покаяния в храмах начинают петь трогательные и поучительные тропари: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...», «На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми и в лености все житие мое иждих...», «Множества содеянных мною лютых, помышляя, окаянный, трепещу страшного дне судного...».

С понедельника начинается Седмица сплошная или всеядная, которая называется так потому, что во все дни этой недели Церковь разрешает вкушение скоромной пищи.

⁵ Быт. 3, 5.

Семейное чтение⁶

Во дни оны

1

Странное смятение царило на улицах Иерусалима. К городским воротам, толкая и давя друг друга, спешили толпы народа, кто как мог: на лошадях, мулах, колесницах и пешком. Но землетрясение, как бы карая весь этот живой поток людей с обезумевшими лицами, преследовало их по пятам, настигало, сбивало с ног. Треск рассыпавшихся скал, удары грома и частые молнии, бороздившие небо, наполняли людей ужасом. Одни с криком били себя в грудь, другие падали на колени и простирали руки к небу, третьи – те, которых страх приковал к месту, – стояли остолбенелые, без мысли, с одним только смутным сознанием, что совершилось что-то страшное. Туземцы и чужестранцы, священники и миряне, нищие, саддукеи и фарисеи – все обратились в бегство.

Откуда бежали они? Что гнало их прочь, наполняя сердца страхом? Меч неприятеля не сверкал над головами бегущих. Но вдали, на красном фоне неба, как бы охваченного заревом пожара, на вершине круглого как череп холма, – сухого, пыльного и чуждого растительности, исключая кое-где торчащего иссопа, – виднелись три креста, высоко вознесшиеся над городом. Там за минуту до этого совершилась казнь: распятый на кресте, скончался Сын Марии.

Не один несчастный умирал на этом месте позорной смертью, не на одну мученическую смерть смотрела толпа и потом спокойно расходилась. Но сегодня, когда покрытый смертельной бледностью Иисус из Назарета опустил голову на грудь и испустил последний вздох, земля содрогнулась, и тьма окутала город. Облака, которые с утра клубились в небе, мгновенно скрыли солнце от глаз теснившейся здесь толпы. Отдаленные пригорки и скалы, холмы и горы, городские храмы, дворцы, башни, до сих пор освещенные ярким светом и утопавшие в ослепительном пурпуре, сразу угасли. Быстро меркнул свет. Зловещий медно-красный сумрак окутывал окрестность и с каждой минутой сгущался все более и более. Казалось, что кто-то невидимый сыпал сверху на грешную землю тяжелую, подавляющую темноту. Воздух становился невыносимо душным. Угрюмые, как ночь, тучи огромными клубами надвигались на народ.

Мрак окутывал тела, висящие на крестах. На темном дереве тело Распятого посреди окружающего мрака казалось сотканным из лучей света. Грудь Его волновалась тяжелым дыханием, но очи все еще были обращены к небу.

Из глубины туч послышался глухой рокот. Вдруг с неведомой силой проснулся гром и с оглушительным треском перекатился с востока на запад. Он то стихал, то вновь усиливался и, наконец, раздался такой сильный треск, что земля потряслась в своем основании.

Когда земля перестала дрожать и тьма на минуту рассеялась, когда огромные линии молний разорвали тучи и солнце, точно окунувшее свои лучи в море крови, бросило свой багровый свет на землю, на кресты и оружие воинов, встревоженная толпа народа дрогнула и бросилась в бегство.

То тут, то там раздавались тревожные голоса.

– Небо горит! – кричали одни.

– Воистину умер Сын Божий, – повторяли бледные губы палачей.

⁶ Все дни приготовления к Великому посту и Великого поста – это воспоминание о крестных страданиях Христа, его смерти и воскресении. Поэтому подавляющее большинство текстов «Семейного чтения» посвящены этим евангельским событиям и преданиям, связанным с ними.

– Горе тебе, Иерусалим! – восклицали женщины.

Народ неудержимо бежал к стенам Иерусалима, обращая по временам полные ужаса глаза назад, туда, где на фоне раскаленного неба виднелся черный крест Иисуса...

– Нет... Нет... – шептал Арус, учитель саддукеев, слывший мудрецом, но не раз обличаемый Сыном Марии. – Не может быть. Могила не выпускает своих жертв. Твое царство кончилось, Иисус Назарянин!

И, расталкивая толпу, он быстрыми шагами направлялся к дому, весь поглощенный волновавшими его мыслями. Многие хотели подойти к нему с просьбой объяснить непонятные явления, сопровождавшие смерть Иисуса, но, видя его озабоченный вид и нервную походку, когда он пробирался по дороге, запруженной волновавшимся народом, они молча расступались перед ним.

Он шел скоро, и расстояние между ним и его домом, облитым теперь багряными лучами заходящего солнца, уменьшалось с поразительной быстротой. Но, странное дело! По мере того, как он приближался к дому, его лицо бледнело все более и более, глаза заволакивались туманом, походка становилась неувереннее, и правая рука все чаще и чаще прижималась к сердцу, конвульсивно сжимая складки широкой, свободно сидевшей на нем одежды. Приблизившись к дому, он на минуту остановился, но потом, собрав остаток сил, поспешно вошел внутрь и направился к комнате своей единственной дочери, красавицы Ассики, оставленной им на попечение прислужниц. На пороге он остановился. Быть может потому, что ноги вдруг отказали служить, или он опасался опять увидеть погруженную в скорбь дочь. И действительно, она все также была бледна и печальна и тихо стонала, распустив в беспорядке свои роскошные волосы. Отец зашатался, и слезы горести заволокли ему глаза.

Лишь только Ассика увидела отца, она подбежала к нему.

– Отец! – воскликнула она. Он умер!

– Кто? – хриплым стоном вырвалось из уст Аруса.

– Он... Он... Иисус, – прошептали губы девушки.

При этих словах бешенство овладело саддукеем, и лицо его исказилось.

– Кто посмел сказать тебе о Его смерти?! Кто?! – крикнул он, смотря не бледных и испуганных прислужниц дочери, словно от них желая узнать истину.

Наступила минута грозного молчания. Потом голос его прогремел:

– Я велел вам стеречь ее, как зеницу ока, и молчать! Я сам хотел известить ее о смерти Того, Кого в безумие своем она приняла за пророка. Горе вам, ослушникам!

И, повернувшись к дверям, он крикнул:

– Плетей!

Но в ту же секунду Ассика бросилась к дверям и не позволила явившимся слугам прикоснуться к своим прислужницам.

Лицо Аруса побагровело от злости.

– Ты смеешь?! – прохрипел он.

– О, выслушай меня, отец, – с умоляющим видом припала она к отцу. Я все-все расскажу тебе, и ты увидишь, что они невинны. Они в точности исполнили твое приказание – стерегли меня и молчали. Я не понимала, что означает эта стража, для чего она окружает меня и молчит. Но безграничная тоска овладела всем существом моим, и я предчувствовала что-то страшное и вместе с тем великое. Я ничего, ничего не знала! Я не знала даже, что по улицам снуют толпы народа, куда-то спеша и перешептываясь друг с другом. Из окон своей комнаты, закрытых деревьями оливы, я не могла ничего этого видеть. Все кругом безмолвствовало, всюду царил ужасная тишина. Долго ли это продолжалось – не знаю! Не то сон, не то забытие стали овладевать мною. Вдруг земля дрогнула, солнце погасло, спустилась тьма, и из груди моей вырвался крик. Не знаю, как это случилось, но я вдруг очутилась там, где на кресте умирал Сын Марии.

На зловещем фоне туч я увидела лучезарное тело Его, слышала крик Его Матери, видела слезы Его учеников и тебя... Тебя, отец, уверяющего толпу, что царство Иисуса Назорея кончилось...

Молодая девушка затрепетала. Дрожь пробежала и по телу Арус.

– Что это было: сон или явь?.. Не знаю, ничего не знаю! – продолжала Ассика. – Когда я открыла глаза, тьма рассеялась и на землю падали кровавые лучи солнца. Мои слуги лежали в беспамятстве, а передо мной стоял... Иисус таким, каким я видела Его во время воскрешения Лазаря.

– Ложь... Ложь... – прошептал Арус. – Не может этого быть. Он умер на кресте. Там, на Голгофе. Перед тобою была лишь тень, призрак. Ты видела сон.

– За что, за что вы убили Его? – с тоской в голосе спросила Ассика.

Арус жестом удалил прислужниц и остался один с дочерью.

– Не потому ли, – вопрошала она, – что Он исцелял больных и страждущих, возвращал зрение слепым, воскрешал мертвых, обещая верующим жизнь вечную?

– Он – богохульник! – воскликнул Арус.

Ассика опустила на колени и припала к ногам отца.

– Нет, отец, – проговорила она. – Это был Сын Божий.

– Ты с ума сошла! – воскликнул Арус.

– Нет, отец. Ты видишь, что я в здравом уме.

Арус злобно захохотал.

– Бог, допускающий убить Себя!

– Да, для того, чтобы воскреснуть, и этой победой над смертью доказать Свое божественное могущество.

– Ты веришь этому, дитя?

– Он говорил это всем, у кого были уши слушать Его.

– Слово и дело – две вещи совершенно разные. И я могу сказать, что, коснувшись пальцем неба, свергну солнце на землю. Но сделаю ли это я?

– А если Он воскреснет, отец?

– Не безумствуй!

– Если Он воскреснет, ты уверуешь в Него?

– Не искушай глупым вопросом разум мудреца.

– Он воскреснет, отец, несмотря на твое неверие!

– Я выпрошу у Пилата стражу, чтобы Его не похитили из гроба. Мы сами будем сторожить Его, и ты пожалеешь о своем заблуждении, дитя мое.

– Только три дня, отец, только три дня. Тогда ты увидишь, кто из нас ошибался.

– Три дня, – повторил Арус. – Это три века ожидания.

2

Сумрак окутывал землю. С наступлением вечера все то, что сопровождало смерть Сына Марии, уходило куда-то далеко-далеко и казалось лишь тяжелым сном, который никогда более не повторится. Страх толпы постепенно проходил, на улицах города воцарилось спокойствие, и все возвращались к своим обычным делам. Только в душе фарисеев с каждой уходящей минутой тревога возрастала все более и более. Мысль о том, что Распятый должен восстать из гроба, не давала им покоя. И теперь они желали только одного, – чтобы эти три дня тяжелого ожидания прошли как можно скорее. Слабые и малодушные, они не верили в собственное торжество и боялись торжества Распятого.

Как и большая часть жителей Иерусалима, Арус ненавидел Иисуса. За что? Что мог кроткий Сын Марии, проповедовавший любовь и всепрощение, сделать ему? Ничего, что было бы достойно ненависти. Но Он нарушил Закон, Его возлюбили Ассика – и этого было достаточно.

О том, что дочь увлеклась учением Христа, он узнал совершенно случайно, когда однажды начал хулить Его, а они с жаром и воодушевлением восстала на Его защиту. Да, она возлюбила Его, возлюбила восторженно, и каждая частица ее существа, каждый нерв бился и трепетал чистой любовью к Божественному Страдальцу. Ее душа рвалась к свету и правде, и в то время, когда старый мудрец углублялся в книги Писания, она, его единственная дочь, питала свое сердце живыми словами Христа. И когда Он с вдохновенным лицом говорил кротко и нежно с народом, ее душа отрывалась от земли и улетала в неведомый мир, полный чудных видений.

Однажды Арус встретил Ассику, слушавшую беседу Иисуса с народом. Он закипел гневом, но взгляд Сына Марии покорил его. Он никогда не мог забыть этого взгляда. В нем не было ни тени гнева, лишь величие покоя, перед которым он почувствовал себя бессильным.

Этого было довольно. Его ненависть увеличивалась со дня на день. Она увеличивалась еще и оттого, что его дочь открыто встала на сторону Иисуса и, несмотря на то, что отец не раз грозил ей проклятием и смертью, твердо стояла на своем.

Ты можешь проклясть или убить, отец, но мое чувство к Тому, Которого ты так сильно ненавидишь, не изменится.

И он отступил, раздраженный и уничтоженный.

Сын Марии был повсюду. Мужчины и женщины шли за ним без размышлений, так велико было Его могущество.

– Это – Мессия! – восторженно повторяла толпа.

– Да, это Сын Божий, – шептала Ассика.

А чудеса, между тем, умножались, и сердце Ассики отворачалось от отца и льнуло к Творцу этих чудес.

И вот в голове Аруса возникла мысль погубить Христа. Он давно бы это сделал, но боялся толпы. Она не видела в словах и поступках Иисуса никакой вины, а без вины было трудно поднять руку на Иисуса, не подвергая себя опасности. Он всячески преследовал Его, задавал Ему лукавые вопросы, желая добиться уличающего Его ответа, но все было напрасно. Однажды саддукей показал ему монету цезаря. В другой раз поставил перед ним блудницу. Ответ на монету с изображением цезаря мог погубить Его в глазах римского правительства. Прощение вины явной грешницы возбудило бы против Него толпу, желавшую побить ее камнями. Он первый хотел бросить в нее камень, но был остановлен мягким движением руки и кроткими словами Иисуса.

– Если ты сам без вины...

Без вины? Но у кого же нет вины?

Взоры толпы были устремлены на него, гнев терзал его, но он вынужден был бросить камень на землю, а не в блудницу. А в то время, когда он задыхался от бешенства и жажды мести. Сын Марии всенародно поучал на городских площадях, перед храмами, на холмах, покрытых благовонными оливковыми деревьями.

Фарисеи, не верившие в Христа, давно осудили, но не могли схватить Его, так как за Ним всегда следовала несметная толпа народа.

Но пробил час, и нашелся человек, решившийся предать Его.

То был Иуда Искариот. Он обратился к ненавистникам Христа, в числе которых был и Арус, заключил с ними позорный договор, получил свои сребреники и возвел Божественного Страдальца на Голгофу.

Пилат не признал вины в Иисусе и, умыв свои руки, отдал Его евреям.

Ассика знала, что Иисус схвачен, но отец уверял ее, что судьи будут милосердны.

Когда же наступил день казни Иисуса, то Арус призвал своих слуг и под угрозой бичевания запретил им говорить об этом дочери. Они молчали, но тайна все же обнаружилась. Арус думал, что смерть Христа положит предел сумасбродствам Ассики, но она уверовала в Его воскресение. На все просьбы, мольбу и угрозы отца дочь кротко отвечала:

– Только три дня, отец.

«Да, только три дня, – думал Арус, – и она забудет».

Он не верил в возможность воскресения. Но при мысли о третьем дне страх сковывал его, непонятные тревога и смущение против воли закрадывались в его сердце.

Ассика же молилась дни и ночи. В ее глазах уже не было слез. Теперь они сияли ярким блеском и, казалось, что снежная белизна ее лица освещается изнутри пламенем горящего там святого огня.

3

Догорели и потухли последние отблески солнца. Земля засыпала, засыпал и город.

Субботный день был окончен.

Но ни фарисеи, ни книжники не имели покоя. Время шло, и их беспокойство увеличивалось.

Не знал покоя и Арус. Каждый час он бегал навещать стражу, которую по его просьбе приставили ко гробу Иисуса.

Было около двенадцати часов ночи, когда он в последний раз остановился у скалы, где было положено тело Иисуса. Стража бодрствовала, печати не были тронуты.

Арус долго прислушивался. Тишина... Ни звука. Бледный свет озарял небо, когда он, успокоенный, вернулся домой. Но едва он переступил порог, как навстречу ему выбежала с громким криком Ассика:

– Христос воскрес!

Арус невольно подался назад и задрожал.

– Тобою овладел злой дух! – наконец воскликнул он.

Но молодая девушка трепетала какой-то высшей радостью и восторженно повторяла:

– Христос воскрес! Христос воскрес!

Но Арус уже не слышал дочери. Как безумный выбежал он из дома и побежал, падая и вновь поднимаясь. Прошел долгий час, прежде чем он вернулся. Ужасная судорога скривила его лицо, он находился в каком-то опьянении.

– Что с тобой, отец?! – воскликнула Ассика.

– Гроб пуст.

Дочь упала к его ногам.

– Отец, я уже сказала тебе, что Христос воскрес. Уверуй и ты в Сына Марии.

– Я?.. Я должен поверить в это чудо?.. – шептал обезумевший Арус. – Что же скажет тогда мой разум? А долгие годы, проведенные над мудрыми книгами? Чем меня вознаградит за все это Сын Марии?

– Прощением грехов, вечной жизнью! – восторженно воскликнула дочь.

– Вечности нет, – прошептал Арус. – Если бы я в нее верил...

– Уверуй!

– Не могу!.. Нет, не могу!

– О, отец! Разве ты не слышал сотрясение земли, когда умирал Иисус?

– Слышал.

– И видел тьму, которая охватила землю?

– Да.

– А что ты увидел в скале, где лежало тело Иисуса?

– Сломанную печать и пустой гроб.

– И...

– Не верю! То был или обман чувств, или проделка учеников Иисуса. Не верю!

Тихий, чуть слышный шум послышался вблизи, как будто подул легкий ветерок. Отец и дочь оглянулись кругом. Таинственный шелест продолжался, и живительное дыхание наступающего утра обвивало им лица. В саду, не шевелясь, стояли оливковые деревья. Между тем, откуда-то веял легкий ветерок, напоенный чудным ароматом.

– Что это? – прошептал Арус, вдыхая в себя полной грудью воздух. – Ты чувствуешь запах цветов, Ассика?! Воскликнул он вдруг при виде широко раскрытых глаз дочери, вставшей на колени. – Что с тобой, дитя мое?

– Это Он!

– Кто?

– Иисус... Он там... Смотри... Он зовет меня... Иду, Учитель мой!

И повинувшись неведомой силе, которая властно влекла ее вперед, Ассика поднялась с колен и последовала за призывающим ее.

– Стой! Стой! – воскликнул отец вслед удаляющейся дочери. – Зачем ты покидаешь меня?

Но молодая девушка уже не слышала этих слов. Она была уже далеко.

Ужасный крик вырвался из груди Аруса, и какой-то божественный свет сразу просветил его разум. Ему стало ясно, что все его поступки против Назарянина были заблуждением.

– О, горе мне, слепцу, не познавшему Солнца правды!

Не успел он сделать несколько шагов, как беспомощно рухнул на землю, и жизнь покинула его тело.

Леонид Черский

Неделя о блудном сыне Седмица пестрая

Обличив в предыдущие дни седмицы гордость и лицемерие, возвысив смирение, во второе воскресенье из четырех подготовительных к Великому посту Церковь призывает верующих к покаянию изображением неизреченного милосердия Божия ко всем грешникам, которые с искренним раскаянием обращаются к Богу. Это беспредельное милосердие Божие представляется чтением на Литургии евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11–32).

В этой притче Господь по своей благодати и милосердию ясно открыл нам, что источник святой, блаженной и достойной жизни заключается только в благодатном союзе с Богом. Блудный сын, получив от отца должную часть имения и расточив в дальней стране свое наследство, напоминает грешников, которые, удаляясь от Господа, тратят дары природы, общества и благодати, и этой тратой неминуемо истощают и теряют все блага жизни мирной, достойной и полезной.

Сын, удалившись от отца, начинает безбоязненно жить блудно. Блага и радости жизни в удалении от Бога постепенно оскудевают. За обилием последовали обнищание, голод, унижение и духовная смерть. «Изжившу ему все, бысть глад крепок на стране той, и той начать лишатися. И шед прилипися единому от жителя той страны: и посла его на села своя пасти свиния. И никто же даяше ему»⁷. Ужасна пустота души, которая следует за греховной жизнью. Нередко грешник, мучающийся от греховных помыслов и влечений, доходит до отчаяния.

Безысходная, тоскливая нищета, голод и унижение, – эти лишения и меры небесного правосудия и милосердия, наказывающего и исправляющего нас, сокрушили и смирили блудного, нищего, голодного, униженного и погибавшего человека. Он пришел в себя, почувствовал крайнюю степень своего заблуждения и решил возвратиться из страны греховной в отчий дом. При первой мысли заблудшего и духовно мертвого сына обратиться к отцу с раскаянием, надежда и радость загораются в сердце его. Он идет к отцу, и с приближением к отеческому дому – Церкви, надежда и радость его – эти первые блага жизни – становятся обильнее и ощутительнее. Благодать Божия предваряет кающегося, умиряет и обогащает новыми дарами. «Еще далече ему сушу, узре его отец его и мил ему бысть, и тек нападе на выю его и облобыза его»⁸.

Полнота благодатного умиления и радости при совершенном обращении грешника к Богу запечатлевается вечным блаженным единением с Господом. «Тако радость бывает на небеси и о едином грешнице кающемся»⁹.

Примером покаявшегося блудного сына Церковь внушает, что никто не должен отчаиваться, надеясь на помилование и спасение, «ибо близ Господь сокрушенных сердцем и смиренных духом спасет»¹⁰.

С этого воскресного дня до начала Великого поста в храмах поется псалом 136 («На реках Вавилонских...»). Этот псалом возбуждает грешников уразуметь свое несчастное состояние в плену греха, подобно иудеям в плену Вавилонском, понявшим свое горькое положение и раскаявшимся. В псалме изображена скорбь души, тоскующей о своем Небесном отечестве.

В субботу вечером, накануне воскресенья о блудном сыне, совершается всенощное бдение – соединение великой вечерни и утрени.

⁷ Лк. 15, 14–16.

⁸ Лк. 15, 20.

⁹ Лк. 15, 10.

¹⁰ Пс. 33, 19.

После воскресенья о мытаре и фарисее начинается седмица мясопустная. Ею оканчивается время, когда можно есть мясо, и отличается она от предыдущей седмицы сплошной тем, что в среду и пятницу установлен пост.

Семейное чтение

Пасхальная заря

В окрестностях Иерусалима ночь следующего после субботы дня выдалась тихая, обвеянная нежным дыханием ветерка. На краю горизонта виднелся неясный и отдаленный отблеск света. Трепетно вздрагивали стройные пальмы и гигантские кедры Масличной горы – этого единственного живого пункта среди бесплодной, выжженной солнцем пустоты, окружавшей святой город. В эти первые весенние дни смирна, алоэ, корица – нежные растения, издающие сильный аромат, – наполняли священную землю благоуханием храма. Вдыхая эти ароматы, люди лучше понимали пророков, которые воспевали таинственные ночные часы древнего Востока, когда и ночь рассказывает о блеске и славе Иеговы.

В эту ночь Гамалиил не находил покоя. Суббота, которая наконец закончилась, была очень тяжела для него. Он провел целый день на террасе своего дома, неподвижный и задумчивый, оставшись один по уходу членов синедриона. Гамалиил держал в руках свитки Священного Писания, которые так и остались неразвернутыми. Его глаза были устремлены на Голгофу, пустынную и зловещую, высившуюся за стенами города. Погруженный в глубокое созерцание, он без сомнения видел там вещи, невидимые для других глаз. Глубокая печаль омрачала его лицо и, когда наступил час вечерней молитвы, Гамалиил инстинктивно и бессознательно прочитал псалом, не имевший никакого отношения к торжественному дню субботы. Глухим голосом, едва шевеля губами, он повторял «Боже мой! Боже мой! Зачем Ты меня оставил!»

Эти самые слова Голгофа слышал из других, Божественных уст!

Сам Гамалиил сделал первый шаг. Если он признал Иисуса Пророком и возлюбленным Сыном Божиим, то беспокойное сомнение охватывало его каждый раз, когда он задавал себе вопрос: принадлежит Иисусу или нет страшный титул Мессии? Вокруг этого вопроса сгруппировались теперь все его размышления и терзания. Он мог бы сформулировать этот вопрос словами Иоанна Крестителя: «Тот ли Ты, Который должен прийти, или ждать нам другого?»

Вопрос был задан Крестителем Иисусу Христу в начале его земной миссии, когда рассказы о чудесах и шум первых триумфов достигли пустыни, где жил Иоанн Креститель. Позорная смерть Иисуса, исчезновение учеников, скорбный вопль на кресте, который Гамалиил невольно смешал с псалмом субботы, – все это увеличивало сомнения и колебания его фарисейской души, убаюкиваемой грезами о славе и гордости.

Между тем, как ни остра была проблема, как не безотрадны и тяжелы были ее исследования, потому лишь, что он был израильским учителем и предвидел «края пропасти», Гамалиил не мог оторвать своих мыслей от неотвязного вопроса. Этот Мессия был страстным ожиданием целого народа, смыслом его жизни, его надеждой, воплощением торжества и красоты. Всякое заблуждение по этому поводу было бы ужаснейшим проступком и повело бы за собой еще более ужасные последствия.

Тысячи лет подготовляли пришествие Мессии, и тысячи лет, несомненно, пройдут после Него...

Гамалиил думал не без страха, что весь узел истории человечества заключался в обещании, данном Адаму на заре его дней, и что израильский народ поддерживал в себе, как священный огонь, великую надежду на исполнение этого обещания. После Него мир уже не будет таков, каким был до Него, он озарится новым светом.

«Восстань, Иерусалим, и возжигай огни. Вот Царь твой грядет во всей Своей красоте».

Вся история еврейского народа, длинный ряд милостей и даров Божиих, ошибки, наказания, раскаяние, прощение, судьи, цари, пророки – все это подготовляло постепенно прише-

ствие Мессии. Был ли для Израиля какой-либо более животрепещущий вопрос, чем тот, которым занят был в этот момент ум Гамалиила? Этот вопрос делал еще острее и интимнее тот факт, что страшное пришествие Мессии должно было проявиться в каждом отдельном человеке особым образом.

По словам Иисуса, один человек, сообразно своим наклонностям и внутреннему складу, все поймет и прозреет, а другой останется безнадежно слеп. Один будет взят, другой – оставлен.

Разве эти слова не оправдались?

Каифа в своей слепой ненависти был уверен, что, погубив Иисуса, он совершил дело Божие. Наоборот, Иосиф, Лазарь, Никодим, члены синедриона или ученые, как Гамалиил, день ото дня становились все увереннее и убежденнее, несмотря на свои сомнения. Наконец, что ближе касалось его, Гамалиила, его родная сестра Сусанна обрела источник света в этом кресте, который для нее еще продолжал тонуть во мраке.

Сусанна! Иногда Гамалиил заходил к ней. С тех пор, как ее унесли без сознания с Голгофы, насильно вырвали из мрака «девятого часа», молодая девушка постоянно плакала как Рахиль и не хотела утешиться. Напрасно кроткий и ученый равви Гамалиил пускал в ход всю нежность, стараясь ее утешить и понять. Она даже не слышала его. Он не мог сказать ей тех единственных слов, которых она желала услышать – слов веры и надежды.

С горечью сознавал Гамалиил свое бессилие; и чувство, похожее на гнев, охватывало его и кипело в душе. Он завидовал молодому Учителю, Который назвал Себя Сыном Божиим, и Свою смертью оставил в человеческих душах бездны скорби и страдания.

Мрак еще продолжался, но суббота давно прошла. Гамалиил был свободен и мог располагать своим временем. Он не мог более выносить своей бессонницы, уединения, бездействия или слез Сусанны и решительно вышел из дома.

Куда направился он – Гамалиил не сумел бы сказать. Правильными и сухими ударами звучали его шаги по узким мраморным плитам. Это был единственный шум, нарушавший великую тишину ночи, и этот шум, казалось, стучал в его висках и раздражал его. Какая надобность была ему убежать от людей? Нет, он бежал от самого себя. Почему он колебался, не зная, по какой дороге ему идти? Почему выбрал именно эту улицу, а не другую? Почему шел медленно, склонив голову, по дороге, где три дня тому назад следовал Осужденный? Почему остановился, когда увидел темные, резко выделявшиеся на яркой белизне мрамора пятна? Почему трепетал от ужаса, когда согнулся до земли и с тоской смотрел на кровавые следы?

Правда, скоро он выпрямился. Уверенным и важным жестом поправил носимые на лбу и левой руке филактеры с выгравированными на них еврейскими буквами. На филактерах были написаны тексты из книги Исхода, и Гамалиил старался укрепить свои мысли этими текстами. Он гнал от себя навязчивое воспоминание и повторял: «Слушай, Израиль, Господь Бог твой есть единый Бог». Он упорно твердил эти слова, как бы желая бросить вызов противнику, которого не смел назвать. Хотел ли он защитить Бога Авраама, Исаака, Иакова от вторжения другого Бога, до сих пор неведомого, который мог присвоить Себе все почести, ревниво охраняемые древним Иеговой?..

Тяжелые башенные ворота сторожили выход за городские стены, и дорога сворачивала в сторону. Гамалиил направился по узкой каменистой тропинке, ведущей на Голгофу. Он шел по ней довольно долго. Проходили часы, а он ничего не замечал вокруг. Между тем, в воздухе чувствовалась предрассветная свежесть. Нежные девственные отблески зари осветили сухую землю.

Но Гамалиил, совершенно равнодушный ко всему внешнему, продолжал бороться внутри себя против деспотически завладевших им мыслей. Он думал: «Если бы я только мог видеть Его, не в толпе, а один на один, и говорить с ним как Никодом! Я спросил бы Его: Что скажешь Ты о Себе Самом?»

Вдруг Гамалиил остановился. Воображение нарисовало ему Христа среди судей и палачей, отвечающим им: «Я – Сын Божий».

И величие этого ответа в минуту, когда Христос знал прекрасно, что умрет, если произнесет эти слова, наполнило душу Гамалиила священным ужасом. Он сделал несколько шагов вперед, говоря вслух:

Это правда. Он думал тогда, что Бог избавит Его. Теперь, когда Господь оставил Его умирать без помощи, Он, наверное, уже не сказал бы этих слов. Между тем, доверие Гамалиила к молодому Пророку было настолько сильно, что он охотно спросил бы Его, как спрашивал некогда Иоанн Креститель: «Ты ли Христос?»

Ученый был уверен, как и Креститель, что Иисус в чистоте Своей кроткой души сказал бы только истину и не принял бы незаслуженных почестей. Почему же за все три долгих гола Его служения Гамалиил не поговорил с Ним один на один?

Ах, если бы он мог это сделать теперь! Как радостно выложил бы он перед Иисусом все свои противоречия, смутные мысли!

И снова древняя традиция проснулась в душе учителя и стала протестовать против одолевшего ее смущения. Гамалиил силился собрать вместе все свои возражения. «Разве Сын Божий мог быть подобным нам человеком, жить нашей жизнью, ходить взад и вперед, разговаривать с людьми, смешиваться с толпой? Было ли это достойно Его совершенного Существа? Что говорят пророки?..»

Невольно внутри его какой-то голос ответил: «Предвечному угодно путать наши понятия, мы слепы относительно Его предначертаний и путей. Он начертал Свое произведение гигантскими буквами, которые мы своими близорукими глазами умеем разбирать только отчасти и не можем соединить вместе. Так было и с Посланником Божиим, о Котором пророки говорят, что Он будет последним из людей, Человеком скорбей и страданий, как бы отпрыском, внезапно вышедшим из засохшей земли, и в тоже время Мессией. Царем, владычество Которого распространится до границ отдаленнейших островов, и враги Его будут подножием ног Его. И вернет Ему Господь престол Давида, Отца Его... Не подразумевается ли здесь духовный престол? Подобное толкование, конечно, будет возвышеннее...»

Упрямый учитель возражал сам себе: «Если Он пришел, чтобы освободить нас от ига римлян, то должен ли Он был снизойти до народа, до толпы простых людей? Или должен был остаться среди избранников народа, среди учителей мысли и знаний?.. Вопрос решается сам собою. Для нас неоспоримый факт, что Бог, по Своей мудрости, отдает должное мудрецам».

Гамалиил продолжительно вздохнул, как бы удовлетворенный тем, что нашел это торжествующее возражение. Но его торжество продолжалось недолго. Внутренний голос снова заговорил: «А если это Он, Адонаи¹¹, действительно! Должен ли Он был на пороге вечности одеться в человеческие лохмотья, которые мы называем богатством и славой? А все наши знания, наша наука – не лохмотья ли также? Можно ли представить себе Сына Божия, оспаривающего ту или другую систему, когда наши величайшие учителя повторяли, стоя уже у дверей могилы, что «нет ничего лучше молчания»?.. Какая ирония! Забросить лучи вечной истины в наши пререкания! Разве не было понятно Его смирение, Его добровольное отчуждение от нас? Подобаает ли Мессии, чтобы Его называли богатым или бедным!»

Гамалиил оживился. Теперь он находился на последних склонах Голгофы, неподалеку от вершины. При неясном свете зари зловеще вырисовался покрытый кровью крест Иисуса. Скорбным жестом Гамалиил протянул дрожащие руки к этому символу пустыни, который получил теперь новый смысл и значение: благословение и божественная надежда.

«Ах, если бы Иисус слышал меня, если бы Он мог услышать, я крикнул бы Ему: доказательство, вот оно – доказательство, что Ты обманул нас, что Твоя божественность было

¹¹ Адонаи – имя Господа, часто встречающееся в книгах Ветхого Завета.

лишь мечтой! Если бы Ты был Сын Божий, Ты не явился и не исчез бы как миф, не успев создать ничего основательного, не оставив ничего позади Себя. Мог ли Ты так умереть? Умереть как раб, осыпaeмый насмешками народа! Умереть, покинутый Богом и людьми! Все наши надежды, все, что смутно назревало в наших душах и толкало нас идти по Твоим следам – все это умерло на кресте вместе с Тобой! Умерло».

Гамалиил беспокойно ходил взад и вперед. Он отдал бы все на свете, чтобы положить с Его ногам свою веру, омытую слезами. Быть может, он держался слишком далеко, благодаря своему фарисейству? Быть может, благодаря своей гордости, он только издали чувствовал присутствие Божие?..

Воспоминание о словах и чудесах Иисуса, угрызения совести, необъятная тоска Гамалиила – все это столпилось теперь у деревянного креста, запятнанного Его кровью, подобно тому, как у смертного ложа любимого существа внезапно встают сквозь слезы горькие воспоминания, сожаления и тоска.

Но вместе с этими мертвыми воспоминаниями мир не спускался в его душу. Гамалиилу казалось даже, что Тот, Кто умер, вызывал его на беспощадный поединок, посмеиваясь над его мудростью, его аргументами и доказательствами, побивая каждый довод более глубоким и проникновенным доводом, подобно тому, как там, на краю горизонта, сияние зари погасило все звезды, одну за другой, возвещая появление еще невидимого, но победоносного солнца. Сердце Гамалиила как бы успокоилось на мысли об этой непрерывной борьбе. Он нашел в ней какое-то особенное наслаждение, словно воспоминание или призыв Того, Чья душа, согласно верованию евреев, витала еще на границах земного и загробного миров. Перестав спорить, Гамалиил весь отдался воспоминанию и стал молиться.

– О, если Ты слышишь меня... Ты не захотел бы, чтобы я веровал в Тебя только потому, что мое сердце смущается, созерцая там, внутри себя, сияние Твоего юного лица. Ты не захотел бы, чтобы я верил в Тебя благодаря слезам Сусанны или по примеру Иосифа и Никодима. Даже потому, что Ты говорил так, как никогда не говорил никто... Чтобы отдать свою душу, нужно нечто большее, чем снисхождение или даже восхищение. Все это годится для человека, но не для Мессии! Если Ты был Бог, я должен был иметь глубокую, беззаветную веру в Тебя, ради Тебя Самого, без всякого постороннего влияния. Смотри, вся моя душа перед Тобою. Она трепещет, она дрожит в этом мраке. Я чувствую, что мы с Тобой одни в этом ужасном поединке, Ты и я. Смотри, я отбросил прочь все мое прошлое, все воспринятые мною мысли, любовь и ненависть. Все то, что было в глубине и на поверхности моего существа, я сбрасываю с себя. Моя душа обнажена и девственно чиста перед Господом, как в прежние дни, когда Он создал ее Своим дуновением. Я ищу Тебя не для того, чтобы искушать, но чтобы через Тебя познать истину. О, молю Тебя, брось на меня яркий луч света из мрака Твоей смерти, если Ты можешь, если ты меня слышишь!

Все было тихо кругом, ни один голос не ответил ему. Гамалиил, совсем разбитый и удрученный, смотрел на мертвенные молчаливые окрестности, на Иерусалим, тонущий во мраке, весь белый, тихо дремавший на желтой, выжженной солнцем земле. Вдруг он почувствовал, что он не один, и увидел...

Гамалиил закрыл глаза и схватился обеими руками за голову, не имея сил, не желая видеть это. Но непобедимая сила заставила его отнять руки...

В нескольких шагах от него, на том месте, где высился крест, стоял Христос. Это не была тень или призрак, а Он Сам в сиянии новой жизни. Из Его изувеченного тела исходило какое-то неземное сияние. Но этот неземной свет, окружавший Иисуса, не изменил Его прежнего вида.

Сначала Гамалиил подумал о галлюцинации и попытался избавиться от нее. Но по мере того, как проходило время, он чувствовал все более свое бессилие. Рассудок был в полном порядке, фарисей ясно различал все окружающие предметы, видел землю, камни, холмы, синеватую даль Моавитских гор. Вокруг начиналась обычная суета утра. Он слышал пение птиц,

блеяние овец, а там ниже, в траве паслись козы и звучали песни пастухов. А здесь – пустынная и обнаженная Голгофа, окровавленный деревянный крест, следы крови на земле и перед ним... Никто иной, как живой и лучезарный Иисус.

Гамалиил, быть может, желал, чтобы Господь явился ему в облаке, как его предкам; чтобы Он призвал его на гору, как Авраама, или послал бы к нему ангела, как к Иакову. Все это было бы лучше, чем снова увидеть Того, Кого он считал распятым и умершим три дня назад, Чье сердце не билось более и на устах Которого он тщетно искал малейшего признака дыхания.

Среди полного беспорядка и сумятицы мыслей, Гамалиил вдруг вспомнил священный текст: «Бог предохранит Его тело от разложения». Священный ужас охватил его, он задышался, утопал в чувстве невыразимой, огромной радости. Куда девались все важные вопросы израильского учителя? Почему он не предложил из Тому, Кого только что призывал дать ему ответ?..

Христос стоял спокойный, кроткий, серьезный, как Существо царственное и вечно живущее. Несомненно, если бы Гамалиил спросил Его, Он дал бы ему вечный божественный ответ. Но одно Его присутствие уничтожало все вопросы, Его воскресение рассеивало все сомнения. Это не был теперь человек, которого можно судить в границах горделивого человеческого разума. Это был Господь, Который повелевает и желает; и все, что Он желал, было прекрасно. Он бросил в лицо миру божественный вызов – все безумие Своих крестных страданий, ужас Своей казни, – презрев и величие, и мудрость, и науку человеческого мира для того, чтобы люди верили в Него, в Него одного, без всякой человеческой поддержки, так как Он пришел на землю «ради людей и их вечного спасения». Его слова открыли целый мир Его ученикам. Пример Христа, Его земная жизнь и смерть, указав ученикам следы Бога, Которого они должны были обожать и любить, были для них образцом, которому они должны следовать. Он спустился на землю ради Своих верующих, чтобы указать им новый и незнакомый путь. Он шествовал первым во главе Своих избранников по еще неизведанным тропинкам.

После Него ученики должны были продолжать Его дело, бороться, умереть за Него. Они должны были сеять там, где другие собирают жатву. Этот путь, казалось, был так печален и тяжел. Но он вел в невидимый, полный вечного сияния мир, вел к Нему, подле Него, для Него... И это была такая радость, такое опьяняющее счастье!

Гамалиил последовал божественному предначертанию, озаренному ярким светом воскресения Христа, которое отразилось в нем как в чистом кристалле.

Он прозрел, он уверовал...

Вселенская родительская (мясопустная) суббота

Вселенская родительская суббота предшествует Неделе мясопустной, о Страшном Суде. Этот день посвящается поминовению всех «от Адама до днесь усопших в благочестии и правой вере – праотец, отец и братий наших, от всякого рода царей, князей, монашествующих, мирян, юношей и старцев, и всех, яже вода покры, брань пожат, трус объят, убийцы убиша, огонь попали, бывшия снеть зверем, птицам и гадам, погибшия от молнии и измерзшия мразом; яже уби меч, конь совосхити; яже удави плинфа или персть посыпа; яже убиша чаровная напоения, отравы, костная удавления – всех внезапно умерших и оставшихся без узаконенного погребения».

Основание творить поминовение во Вселенскую родительскую субботу заключается в воспоминании Второго Христова пришествия, которое совершается в следующий воскресный день. Церковь, как мать, предстательствует Господу обо всех усопших в благоверии, умоляя праведного Судию явить им свою милость в день нелицеприятного всем воздаяния.

Установлением поминовения умерших в этот день Церковь содействует верующим в исполнении своего священного долга по отношению к умершим. Так же, как в неделю сыропустную верующие взаимно прощаются и примиряются перед подвигами Великого поста, так в Великую родительскую субботу они вступают с умершими в ближайший союз христианской любви, поминают всех своих предков.

Молитва за усопшего

Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего (имя), яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляй неправды, ослаби, остави и просвети вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя: аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троицу и Троицу во Единстве православно даже до последняго своего издыхания исповеда. Темже милостив тому буди, и веру яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Семейное чтение

На Голгофе

Обессиленная горем, она рвалась на гору, где воины приготавливались поставить крест, очевидно тяжелый, потому что с трудом поднимали его с земли.

А она, как безумная, вперив взор, казалось, не на крест, а в толпу, его окружавшую, была похожа на львицу, на глазах у которой убивают ее львят.

Две девушки вели ее под руки, сдерживая ее порывы и стараясь удержать на месте. Вдруг...

Толпа, как морские волны, заколыхалась на горе. Пронесся шум голосов. Вверх поднялись три креста.

Огромны они. Их перекладины вырисовывались на свинцовом небе, будто руки, распротертые для проклятия или благословения. Три тела висели на этих крестах, напряженные, с окровавленными руками и ногами.

Поднимавшаяся на гору, стала метаться и, простирая руки к одному из распинаемых, проговорила:

– Сын мой! Сын мой! Пусть за муки твои и они погибнут в муках! Пусть на глазах у них замучат их детей, сестер и матерей!..

А казненные – высоко над толпой. Они как бы окаменели, умерли. Будто не чувствуют боли, страданий близких, насмешек; висят на крестах нагие, с распротертыми руками, обогранные кровью. В открытые их груди и колени впились веревки, а из рук и ног торчат пробившие их гвозди. Время от времени высоко поднимались их груди, чтобы захватить побольше воздуха. Глухой хрипящий звук вырывался из этих грудей, а на посиневшие щеки падали слезы. За собой у них был целый ряд ужасных дней. Да, поистине ужасных, потом – восход на Голгофу, наконец – муки распятия. Долгие часы мучений и, наконец, самая ужасная смерть. Ведь они должны были умирать под наблюдением праздной толпы, которая с любопытством присматривается к их малейшему движению и прислушивается к их стонам и жалобам. Они, как разбойники, должны были умереть самой постыдной и тяжелой смертью, осмеянные о поруганные даже в свои последние минуты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.